

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/19986645/27/13

М.Н. Янценецкая

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (ОБЗОР РАБОТ СИБИРСКИХ ДЕРИВАТОЛОГОВ)

В статье характеризуются направления когнитивных дериватологических исследований в работах сибирских дериватологов, сложившиеся к началу 90-х гг. XX в. Рассматриваются основные направления в изучении словообразования, которые привели к формированию когнитивного анализа: лексикологический, мотивологический и синтаксический анализ деривационных процессов. Представлен обзор исследований семантики производного и деривационного потенциала производящего слова с учётом пропозиционального смысла, заложенного в его семантической структуре.

Ключевые слова: словообразование, когнитивный аспект дериватологии, пропозициональный анализ, словообразующие возможности.

1. Если исходить из того, что пропозициональный подход характеризуется универсальностью и показывает способ мышления и организации человеческого сознания, то следует признать, что язык «ориентирован» на пропозицию, которая является смысловой основой языковых единиц всех уровней. Это означает, что структура пропозиции, её компоненты и характер связей между предикатом и его аргументами находит отражение не только в синтаксических предикативных единицах, но и в морфологических формах, словообразовательной структуре и лексической семантике, хотя и в специфическом, «свернутом» виде.

Эта идея настойчиво обсуждалась у нас в начале 80-х годов. Именно тогда была установлена иерархия средств выражения пропозиции. Так, М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрик выделяют следующие её ступени: независимое предложение – придаточное предложение – оборот – предикат – определитель – именная группа – служебное слово – грамматическая категория – часть лексического значения [1. С. 344].

Анализ производной лексики показал, что в иерархию средств выражения пропозиции – отдельной ступенью – входит также производное слово (ср.: [2. С. 6]). Естественно, что наиболее полное выражение пропозиция получает в предложении, в остальных случаях наблюдается та или иная степень её компрессии.

Анализ производного слова с учётом того пропозиционального смысла, который заложен в его семантической структуре, позволяет уточнить наши представления по таким вопросам словообразования, как способ участия производящего слова в создании производного, источники идиоматичности последнего и степень её проявления, функция производного в тексте (высказывании) и др. Главное внимание уделяется глубинной, смысловой характеристике производного слова, отражающей предикатную ориентированность его структуры и сопровождаемой вычленением того компонента пропозиции,

который непосредственно используется для создания производного. Такой подход характеризует работы ряда сибирских диалектологов¹.

Сказанное не означает, что мы не делаем принципиального различия между значением слова, предложения. Это свидетельствует лишь о том, что смысловую базу словообразовательного акта мы видим в пропозициональной структуре, компонентами которой являются и производящая, и производная семантика.

Мы исходим из того, что каждый компонент препозиции способен выступать в качестве представителя пропозиции в целом. При этом меняется «лишь» тот аспект, в рамках которого оказывается представлена пропозиция, и та степень определённости, с которой пропозиция отражается в семантике слова.

Перенос центра внимания на производящую единицу, на её словообразующие потенции позволяет видеть словообразовательные связи в динамике, в преобразовании производящей семантики в производную. Обладая пропозициональной значимостью, производящая семантика на глубинном уровне включает в себя информацию о других смысловых компонентах пропозиции, каждому из которых соответствует набор конкретных семантик, способных подвергнуться лексической (словообразовательной) объективации, т.е. стать значением производного слова.

Пропозициональный подход, дополненный ономаσιологическим направлением словообразовательного анализа, приводит к функциональному аспекту исследования, при котором создание номинативной единицы рассматривается как элемент коммуникативного акта.

II. Возникает вопрос, как связан данный подход к словообразованию с другими аспектами его изучения. Чтобы ответить на него хотя бы в самом общем виде, необходимо назвать основные направления в изучении словообразования, которые привели к интересующему нас аспекту. Разумеется, мы отметим лишь те подходы, которые оказывали влияние на формирование принятой нами точки зрения на словообразование.

Признание синхронного словообразования (см., напр., [3. С. 5–12]) означало переход к изучению последнего как особой подсистемы языка. Начинают выявляться основные её единицы, даётся описание системы словообразовательных типов [4]; [5]; [6]; [7]; [8. С. 122–264] и словообразовательных гнёзд ([9]; см. также [10] и др.) литературного и диалектного языка. Словообразование рассматривается как самостоятельная область языкознания, отражающая взаимодействие и борьбу двух начал – морфологического и лексического [11. С. 6]. Грамматика систематизирует производные по типовым признакам, лексика их индивидуализирует [12. С. 9–31].

С синхронным аспектом словообразования связан также анализ отношений производности как отношений мотивации (обусловленности формы и значения одного слова формой и значением другого). Более того, появилось

¹ Прежде всего тех, кто работал и работает в Томском госуниверситете, а также тех, кто учился в аспирантуре при ТГУ и сейчас преподаёт в Алтайском и Кемеровском университетах, в Томском, Новосибирском, Благовещенском и др. пединститутах. Некоторые их статьи и монографии представлены в списке литературы. Большая их часть вышла в свет благодаря университетским издательствам Сибири.

суждение о возможности изучения словообразовательной мотивации без обращения к понятию производности. Последнее «вытесняется» «более общим понятием формально-семантической словообразовательной соотносительности» [11. С. 143]. Всё это привело исследователей к анализу мотивационных связей как относительно независимых от словообразовательных моделей. Вступая в собственно лексические отнесения, производное слово как бы освобождается от строгих словообразовательных рамок и функционирует как многомерная структура, управляемая этими отношениями.

В результате производное более чем двухступенчатой словообразовательной цепочки или разветвлённого словообразовательного гнезда приобретает вариативную морфемно-мотивационную структуру. В этом случае его основа может рассматриваться как совокупность простейших морфем, объединяющихся на основе общего корня в различные варианты «производящих основ» и «словообразовательных формантов» ([13]; [14], ср.: [15]). Ср., напр.: словообразовательные связи *борона* – *бороновать* – *боронование*; *подхалим* – *подхалимство* – *подхалимствовать* наряду с *возить* – *возка*; также *возить* – *возчик* и лексические мотивационные отношения *борона* – *бороновать*; *бороновать* – *боронование*; *борона* – *боронование*; *подхалим* – *подхалимство*; *подхалимство* – *подхалимствовать*; *подхалим* – *подхалимствовать*; *возить* – *возка*; *возить* – *возчик*; *возка* – *возчик*. При установлении межлексемных мотивационных отношений многие из производных, приведенных нами в качестве примера, актуализируют разные варианты своей морфемной структуры, см.: *борон-ов-анј-е* (мотивирующее *борона*) и *борон-ов-анј-е* (*бороновать*), *подхалимствовать* (ср. *подхалим*) и *подхалимствовать* (ср. *подхалимство*), *воз-к-а* (ср. *возить*), *воз-чик* (ср. *возить* и *возка*).

Лексические мотивационные отношения начинают рассматриваться как явление лексикологии. Становление нового деривационного аспекта происходит достаточно активно: появляются статьи, монографии (М.Н. Янценецкая [12], О.И. Блинова [16], А.Н.Тихонов, А. Пардаев [18], Н.Д. Голев [17]), отражающие, как нам представляется, последовательные шаги в утверждении лексикологического подхода к словообразованию. Лексикологическому аспекту приписывается статус самостоятельного раздела языкознания под именем «мотивологии» [17]. В качестве материала исследования используются данные русского литературного языка и диалектов.

Конечно, реальное движение к лексикологическому аспекту словообразования не было ни столь единодушным, ни столь целее-направленным, как может показаться с первого взгляда. Решение целой группы вопросов у разных исследователей оказывается неодинаковым.

Сторонники словообразовательного аспекта делают акцент на словообразовательной структуре слова, на основе которой формируется необходимое лексическое значение.

При лексикологическом подходе в качестве главного фактора рассматривается лексическое значение мотивационно связанных слов, частичное отождествление которых и обуславливает выявление внутренней формы и классифицирующего форманта. При этом словообразовательные связи любого вида (непосредственные, опосредованные и др.), трансформируясь на лекси-

ческом уровне, предстают как отношения непосредственной деривации [12. С. 212–224]; [22]; [2. С. 11–14].

Указанная особенность свидетельствует об относительной независимости лексического значения производного слова от его формальной структуры. Этим свойством производного объясняется его способность непосредственно соотноситься с называемым явлением подобно непроектной единице.

Данная особенность создаст и другую возможность – выбора способа опосредованного соотношения производного слова с называемым явлением. Это, на наш взгляд, связано с тем, что последнее может осознаваться говорящим как компонент разных видов ситуаций или как разные компоненты одной ситуации. Вследствие этого возможно соотношение производного слова с разными компонентами одной пропозиции или с общим компонентом нескольких пропозиций.

Так, производное *черника*¹ может соотноситься с субъектом (X) разных пропозиций: *черника чёрная* (X обладает признаком A); *черника чернеет* (X проявляет признак A); *черника чернит руки* (X наделяет Y признаком A). Этим обуславливаются мотивационные связи слова *черника*: *чёрный* – *черника*, *чернеть* – *черника*, *чернить* – *черника*. Вследствие этого называемое явление (*черника*) предстаёт или как предмет, обладающий статическим признаком, или как предмет, проявляющий этот признак в той или иной степени, или как предмет, наделяющий данным признаком другой предмет [21].

Слово *пекарня* может быть поставлено в мотивационные отношения со словами *печь* и *пекарь*. При этом все три слова называют компоненты одной пропозиции с многоместным предикатом, ср. *Пекарь печёт хлеб в пекарне* (X создаёт Y). Так как в принципе каждый компонент пропозиции несёт информацию обо всей пропозиции в целом (и, следовательно, о каждом её члене), любой из этих компонентов может быть использован в качестве основы мотивации, например: *пекарь* – *пекарня* (там, где работает пекарь), *печь* – *пекарня* (там, где пекут хлеб). Значит, называемый предикат (*пекарня*) предстаёт то как место нахождения субъекта, то как место, где совершаются определённые действия.

Способы связи производного слова с называемым явлением ограничиваются теми видами внутри- или межпропозициональных отношений, которые маркируются его морфемной структурой и которые выделены говорящими в качестве типов номинации². Последние отражают функциональный или характеризующий аспект (принцип) номинации [28]; [25] и оказываются отмеченными, хотя и опосредованно, через тематическое «наполнение» словообразовательного типа [30]; [6].

Указанная выше вариативность мотивационной структуры производного, как правило, снимается в высказывании (в тексте), а производное слово приобретает такую мотивационно-морфемную структуру, которая данным высказыванием (текстом) обуславливается. Поэтому актуализируемый в речи вариант межлексемных мотивационных связей может не только «подтвердить» действительный словообразовательный акт, но и «видоизменить» его,

¹ Данный пример анализируется во многих работах и далеко не всегда однозначно.

² Описание см.: [24. С. 198–315; С. 122–264]; [5]; [6]; [7]; [25]; [26]; [27] и др.

сблизив слова разных словообразовательных ступеней, и даже создаст уникальную по структуре производную единицу. И хотя коммуникативно обусловленные мотивационные связи производного недолговечны (они существуют столько, сколько длится высказывание), сам факт их проявления, умноженный на количество высказываний, их повторяющих, создаёт прецедент новых словообразовательных структур, которые при необходимости могут быть использованы языком.

Например, актуализация опосредованных словообразовательных связей типа *влажный – влажнить – увлажнить* как непосредственных (*влажный – увлажнять*) приводит к появлению второго варианта словообразовательной структуры производного *у-влажн-и(ть)* (ср. его с собственно словообразовательной схемой – *у-влажни(ть)*). По возникшей схеме создаются новые слова, в результате чего формируется префиксально-суффиксальный тип отагъективных глаголов (*короткий – укоротить, длинный – удлинить* и др.). «Промежуточное» звено в словообразовательной цепи в данном случае отсутствует: нет **богатить, *коротить, *длинить* [31. С. 34–42; 12. С. 229–225].

Иными словами, при функционировании словообразовательные и лексические (мотивационные) отношения принципиально не противопоставлены друг другу. Напротив, словообразовательная связь может рассматриваться как один из видов мотивационных отношений, т.к. словообразовательные отношения актуализируются через мотивационные связи лексических единиц.

Таким образом, создаются условия для функционального подхода к единицам словообразования / мотивологии.

Свидетельством формирования такого подхода являются исследования, в которых авторы значение производного слова сводят к той или иной синтаксической единице, утверждая тем самым синтаксическую (с учётом семантики и средств выражения) базу словообразования. Нам представляется, что производное должно соотноситься не с тем или иным конкретным предложением или синтаксическим оборотом, а с глубинной пропозицией, которая, в свою очередь, может получать синтаксическое, морфологическое или лексическое выражение.

Учитывая, что предложение является иконическим способом выражения пропозиции, сведение производного к какому-либо конкретному типу предложения можно рассматривать как исследовательский приём, как описание словообразовательной семантики трансформационным методом.

Признание обусловленности словообразовательных связей внутрипропозициональными отношениями хорошо просматривается и в утверждении об изоморфизме падежных и словообразовательных значений, что позволяет «усматривать в них разную поверхностную реализацию единой глубинной структуры» ([32. С. 37; ср. [33]; [31]; [15. С. 303] и др.), под которой, по нашим понятиям, скрывается пропозиция того или иного вида [36. С. 12]; [37. С. 26].

Функциональный подход предполагает исследование словообразовательных единиц в двух связанных между собой аспектах: системно-функциональном и коммуникативно-функциональном.

Первые шаги к функциональному анализу производного слова сделаны И.С. Торопцевым. Им разработана модель мыслительной деятельности человека, регулирующей процесс возникновения нового слова, которое осуществляется в недрах того или иного высказывания [33; 39. С. 5–71]. Предлагаемая автором многоэтапная модель процесса возникновения новой лексической единицы «характеризуется единством мыслительной и речевой форм деятельности при примате первой» [17. С. 58] и отрицанием имманентной стороны словопроизводства и тех психических процессов, которые обеспечивают создание лексической единицы. Реальные коммуникативные акты, по существу, находятся вне поля зрения ученого. Тем не менее, работы И.С. Торопцева способствуют продвижению исследовательской мысли в сторону функционально-коммуникативного словообразования.

Важным моментом в развитии словообразования является обращение к анализу межлексемных мотивационных связей в актах коммуникации, прежде всего, в текстах художественной литературы [31. С. 21]; [20]; [12. С. 210–212] и др. и в речи диалектоносителей [36]; [12. С. 207–210]; [37]; [16. С. 135–161]. Проблема функционирования производного слова в коммуникативных актах имеет, по крайней мере, два аспекта. С одной стороны, формально-семантические характеристики производных, их мотивационные связи используются в определённых коммуникативно-стилистических целях, поэтому встала задача изучения особенностей функционирования мотивированных слов в этом плане. С другой стороны, устная и письменная речь является той средой, в которой не только используются результаты действия тех или иных словообразовательных моделей, но также происходит как бы «доводка» и модификация последних вследствие взаимодействия и втягивания новых лексических единиц в среду влияния различных словообразовательных типов. В связи с этим возникает необходимость выявления как самих этих процессов, так и условий их протекания [36. С. 92].

Первая сторона проблемы, а именно – анализ межлексемных мотивационных связей в тексте с точки зрения их целевого назначения рассматривается в книге О.И. Блиновой «Явление мотивации слов (лексикологический аспект)» [16]. Отмечая полифункциональность мотивации в тексте, автор выделяет её коммуникативные, экспрессивные и эстетические функции [16. С. 135–163]. Вероятно, можно было бы говорить и о своеобразных номинативных свойствах мотивации, о способе представления предмета, явления через отношение, а также о «словопроизводственной» функции мотивационных связей. Но сознание дериватологов должно было «сблизить» между собой такие процессы, как функционирование слова и его образование.

Анализ процессов воспроизводства и/или порождения слов в тексте с точки зрения пропозиционального подхода к словообразованию является наиболее продуктивным.

Начальные попытки связать процесс создания слова с коммуникативным актом имеются в нашей монографии «Семантические вопросы словообразования» (см. [12. С. 201–237], где процессы речевой коммуникации рассматриваются как основа развития словообразовательных структур языка. Через мотивационные отношения, актуализируемые в речи, лексическая система оказывает влияние на систему словообразовательных единиц. Лексические

мотивационные отношения, идущие вразрез со словообразовательными связями слов, закрепляясь в языковом сознании, приобретает потенциальную способность служить схемой построения новых лексических единиц. В результате этого в языке создаются условия для развития словообразовательных типов, характеризующихся ранее неизвестными видами производящих основ и суффиксов [12. С. 230].

Наиболее ярко функционально-коммуникативный подход к изучению лексической деривации представлен в двух работах: «Словообразование и синтаксис» Е.Л. Гинзбурга [2] и «Динамический аспект лексической мотивации» Н.Д. Голева [17]. Разделенные десятилетием, эти работы по существу соположены с точки зрения исследуемой проблемы и способов её решения. Тем не менее это совершенно разные книги, каждая из которых имеет свой предмет анализа, свои решения по тем или иным общим и частным вопросам. Е.Д. Гинзбург в производном видит концентрированное отражение всех лексических и синтаксических связей производящего слова, обусловленных как его системными особенностями, так и синтагматическими связями. По мнению автора, производное – это «форма производящего, призванная кодифицировать внутрисловными средствами наличие и общезначимость тех его семантико-синтаксических свойств, которые определяют функционирование производящего в тексте» [2. С. 3]. Производные, в которых подобные характеристики производящего объективируются, рассматриваются им как «синтактико-морфологические формы» производящего. При этом задачу исследования семантики производного автор видит в том, чтобы выявить его «роль в описании ситуации» [2. С. 6].

В работе Н.Д. Голева мотивация рассматривается как разновидность синтагматической деятельности, как один из частных коммуникативных актов, порождающих высказывание [17. С. 5]. При этом «мотивировка лексических новообразований» представлена как «частный случай мотивации производимых в речи единиц» [17. С. 36]. Иными словами, в данной работе мотивационные процессы рассматриваются «в аспекте взаимодействия планов создания и функционирования слова, которые... выступают частями единого непрерывного деривационно-мотивационного процесса» [17. С. 32]. В ней утверждается тезис об органической включённости целей и механизма лексической деривации в цели и механизм порождения всего данного текста, широкое использование данных конкретной речевой ситуации и контекста в качестве естественных суппозиций и мотивов новообразования» [17. С. 58].

Признание, наряду с субъективным началом, порождающей способности текста не только в области синтаксиса, но и в области словообразования вводит в сферу внимания исследователей вопрос о системно-языковой базе такого порождения, под которой понимаемся функциональная направленность формы и значения языковых средств и, прежде всего, лексических единиц. А это означает, что смысловую основу словообразовательного акта мы видим в пропозициональной (предикативной) структуре, компонентами которой являются и производящая, и производная единицы.

III. На наш взгляд, пропозициональный подход обладает широкими возможностями. Он обуславливает многослойное, объёмное представление о словообразовательных процессах, так как позволяет видеть в них реализацию

общезыковой универсалии на определенном языковом уровне (подуровне). Он способен связать системные характеристики слова с его функционированием, реализующим деривационные потенции разных лексико-семантических групп. Но такое «соединение» двух аспектов возможно лишь в том случае, если слово анализируется с позиций нескольких языковых уровней – лексического, морфологического и синтаксического, если предложение рассматривается «как система вложенных друг в друга пропозиций разной степени выделенности/редуцированности» [1. С. 45].

Пропозициональный подход, как и всякий другой аспект исследования, имеет и определенные ограничения. Главное из них касается выбора вида пропозиции, рассматриваемой в качестве смысловой базы производного слова.

Системно-функциональный аспект предполагает опору на типовые пропозиции, которые представляют собой результаты обобщения ряда утвердительных пропозиций, отличающихся истинностью и отражающих реальное существование ситуации во времени. Следовательно, дериватолог использует для анализа пропозиции с так называемой «незавершенной предикацией», лишенные модусных показателей [3. С. 93].

Главную смысловую базу словообразования составляют пропозиции характеристики [44]. Дальнейшая их классификация связана с особенностями взаимодействия в составе предиката единиц признаковой и субстанциональной семантики: одноместные предикаты обычно формируются за счёт признаковой семантики, многоместные (относительные) осложняются субстанциональными значениями (актантами).

С данными видами предикатов соотносятся два принципа коммуникации: определительный и функциональный. Внутри- и даже межпропозициональные связи с сфере номинации получают вид, своеобразных формул – типов номинации, отражающих один из указанных выше (функциональный или определительный) номинативных принципов, т.е. общий аспект номинативного акта.

Количество таких формул относительно одной производящей единицы (субъект по функции, субъект по объекту функции, субъект по орудию, месту и т.п.) определяется количеством «мест» в составе пропозиции, включая приглагольные актанта все видов.

Кроме того, на данном этапе исследования мы отстраняемся от фактов незримого присутствия говорящего субъекта при самом процессе номинации, хотя в принципе оно (присутствие говорящего) имеет место и может проявляться: а) в выборе типа пропозиции и конкретного вида внутрипропозициональных отношений (ср. о собаках: *ищейка* и *утятница*); б) в характере временного «оформления» предиката (*убийца* – действие совершается в прошлом, *копалка* – в настоящем); в) в указании на сопричастность говорящего к называемому явлению, в наличии так называемой «внутренней рамки» (*белеть* – воспринимается говорящим – о чем-то белом).

Следующее ограничение касается исследуемого нами материала. В центре нашего внимания находится мутационное словообразование, дающее наименование явлениям по их признакам и месту в системе когнитивного (по-

знавательного) и практического опыта, накопленного человеком. Возникшее понятие вписывается в «старый» опыт и знания путём установления с уже известными понятиями предикативных отношений.

Важно заметить, что мутационное словообразование может давать производные не только строго рационального, логического содержания, но и экспрессивно окрашенные. Однако в обоих случаях мы имеем, по словам В.Н.Телии, «дескриптивное отображение обозначаемого», на которое во втором случае наслаивается информация об эмоционально-оценочном отношении говорящего к обозначаемым явлениям. Это даёт нам возможность рассматривать экспрессивы такого типа в одном ряду с нейтральными производными, как бы абстрагируясь от их «модальной рамки», несущей информации об этом чувстве-отношении [45. С. 5].

В значении производного слова могут отражаться две и более пропозиций, связанные определёнными логическими отношениями. Примеры: *ди-пломник* (Студент готовит работу; Работа выполняется для получения диплома); *травник* (Заяц родился летом; Летом растут травы, отсюда: Заяц родился тогда, когда растут травы).

В основе метафорических образований обычно лежат три пропорции: диал. *медведник* (Медведь сильный, неуклюжий; Человек сильный, неуклюжий; Человек подобен медведю). Кстати, заключительная пропозиция носит собственно ментальный характер.

Наконец, глубинная структура производного может носить вариативный характер: *кукольник* «любитель флиртовать с женщинами» (Юноша ухаживает за девушками; В любой из них он видит *куклу* «легкого, несерьёзного человека»); Ухаживания его несерьёзны). Очевидно, возможны другие варианты как самих пропозиций, так и их связей.

В примерах со сложным глубинным смыслом формальную маркированность в структуре производного получают лишь некоторые пропозиции.

Но семантическое «поведение» производящего слова во всех случаях подчиняется одним и тем же языковым требованиям: его значение предстаёт в функциональной модели, обуславливаемой его ролью в пропозиции.

Производные, образованные по образцу [46], также имеют пропозиционально обусловленное содержание, однако связь пропозиций в таких случаях является опосредованной – через слово-образец: производное заимствует у последнего как его морфемно-словообразовательную структуру, так и семантический способ представления пропозиции соответствующего типа.

IV. Пропозициональный подход к изучению лексической деривации выдвигает для рассмотрения серию более частных вопросов, к которым относятся следующие: 1) пропозиционально обусловленные семантические категории и их отражение в лексике и словообразовании; 2) функциональная модель лексического значения и словообразовательные отношения; 3) полевой принцип организации лексико-семантического пространства и классификация лексических единиц; способы участия слов разных классов в словообразовательных актах; 4) пропозициональная структура глубинной семантики производного и идиоматичность его лексического значения; 5) полисемия как отражение внутри- или межпропозициональных связей и ряд других.

В рамках статьи мы можем коснуться лишь некоторых вопросов представив в самом общем виде их содержательную сторону и степень разработки в статьях и монографиях сибирских дериватологов.

Внутри- и межпропозициональные отношения лежат в основе таких семантических категорий, которые маркируются не только грамматическими, но и лексическими средствами языка. Это категории относительности/безотносительности, положения на оси времени / положения на вневременной оси; активности/пассивности субъекта [47. С. 56–91].

В оппозиции категорий относительности/безотносительности отражена способность языка представлять признак предмета или в виде его отношения к другому предмету (резать, арестант, настенный), или в виде его природного свойства, проявляющегося в нём непосредственно, безотносительно (спать, красный, слепец).

Наиболее ярко эта категория представлена в глаголах (резать, гладить, радовать, лгать). В относительных ситуациях, отражающих различные связи между предметами, возникают условия для установления направления этих связей вплоть до ролевой представленности участников ситуации в виде субъекта, объекта, орудия и т.д.

В зависимости от набора компонентов и устанавливаемых между ними отношений глаголы могут выражать несколько видов соотносительной семантики. К ним относятся:

- отношение однонаправленного воздействия, что наглядно проявляется при выполнении роли субъекта лицом (ср. Рабочие строят дом; Человек рубит дрова; Хозяйка готовит обед);

- отношение взаимодействия, представляемое в высказывании как однонаправленное, что зависит от ролевой интерпретации компонентов взаимодействия (Стены держат крышу; Крыша лежит на стенах);

- отношение связи, которое носит преимущественно статичный характер. При этом субъектно-объектные характеристики отношения являются в значительной мере интерпретационными (Гриб растёт под берёзой);

- отношение смежности, при котором компоненты ситуации соположены и явного воздействия друг на друга не оказывают. Выбор направления связи произволен и фактически сводится к выбору компонента отношения в качестве темы высказывания (Гора стоит у озера. – Озеро расположено около горы);

- ассоциативное отношение, обусловленное не реальными связями денотатов, а сближением представления об этих денотатах в сознании человека.

Распределение ролей между компонентами отнесения в значительной мере произвольно и ограничивается лишь антропоцентрической установкой, характерной для познавательной деятельности говорящего субъекта, и некоторыми другими факторами.

Первый тип отношений отражает реальные динамические связи предметов, и потому данные глаголы имеют широкие префиксальные связи (резать – отрезать, разрезать, подрезать, урезать и т.д.). Глаголы с мгновением взаимодействия также отражают реальную динамику процесса, но в отличие от глаголов первого типа преимущественно сочетаются с

временными приставками (*держать, поддержать, продержать, выдержать* и т.п.).

Группа глаголов, выражающих отношение связи, несмотря на статичный характер выражаемого процесса, включает в себе элементы скрытой динамики. В случае, когда субъектом ситуации является лицо, становится реальным появление динамики и, как следствие, результативности (*Человек сидел на диване – Человек отсидел ногу – Высидел разрешение на отпуск*).

Глаголы, отражающие отношения смежности и ассоциативности, ограничены в своих префиксальных связях.

Что касается именной лексики, то в ней семантика соотносительности наиболее определённо представлена в конкретных существительных и относительных прилагательных. Отношение между предметами представлено в них как статичная непроцессуальная ситуация и актуализировано в производных именах с помощью их внутренней формы (*настенный* «расположенный на стене», *школьник* «тот, кто учится в школе»).

Непроизводные имена определённых лексико-семантических групп могут иметь безотносительную поверхностную структуру и скрыто-относительную глубинную семантику. Так, слово *гриб* означает «нижнее растение, обладающее такими свойствами, как форма, цвет, запах, плотность и т.д.», но также в своей семантике содержит указание на функциональные возможности предмета: грибы растут в определённых местах и в определённое время, их собирают, из них готовят разные блюда и т.д., отсюда – *грибное* (место), *грибная* (пора), *грибник*, *грибница* «блюдо из грибов» и т.д.

Семантика предназначенности может составлять ядро лексического значения слова, ср. *дом* – это «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий». Указание на остальные функциональные зависимости предмета (дом создают, его продают, покупают, в нём работают, за ним следят и пр.) скрыто в глубинных слоях семантики. Данные семантические компоненты обусловили появление производных: *домовой*, *домостроитель*, *домостроение*, *домовладелец*, *домовладение*, *домоуправ*, *домоуправление* и др.).

Относительные прилагательные в отличие от конкретных существительных в определённых случаях могут из всего комплекса отношений актуализировать лишь один (*дровяной* «для дров», *стеклянный* «из стекла», *надомный*).

В процессе создания нового отаждективного слова типы отношений, представляемые прилагательными, сохраняются в производном слове (*дровяник* «сарай для дров», *надомница* «кто выполняет надомные работы», *стеклянница* «бабочка, словно сделанная из стекла»).

Среди признаковой лексики соотносительным глубинным признаком чаще обладают слова, обозначающие состояние человека, его поведение, нравственные и этические понятия (*тоска, злой, добрый* и др.). В своей глубинной семантике они скрывают реальные связи человека с другими лицами и явлениями, например, значение прилагательного *злой* на поверхностном уровне безотносительно, глубинная семантика прилагательного соотносится с ситуацией поведения, влекущего за собой отрицательное воздействие на кого-либо, т.к. проявление свойства «злой» выходит за границы сферы самого

субъекта и распространяется на других участников (в отличие от безотносительных прилагательных типа мрачный).

Называемое свойство *злой* может быть результатом предшествующей ситуации, где носитель признака соотносится с объектом действия другого субъекта (X наделяет У свойством А; X наделил У свойством А; У имеет свойство А).

Именно в этой особенности рассматриваемого прилагательного заложена его способность порождать переходный глагол, как бы восстанавливая тот тип отношения, ту ситуацию, которая обусловила появление называемого им свойства, ср. злить «делать злым кого-либо», но нет, например, **мрачить*).

Категория протекания во времени/вневременность непосредственно воплощается в глагольной лексике. Глаголы, которые называют признаки в относительной независимости от времени, отражают явления как сущностные, эссенциальные, например, свойство быть красным – *краснеть* (вдали), отношение стоить (пять рублей), способность летать (о птицах). Данная особенность семантики ограничивает их деривационный потенциал: они не способны к префиксальной сочетаемости, не дают производных существительных (ср. лишь *краснеть* (вдали)).

Словообразующие возможности глаголов, которые обозначают процесс во времени, более широки. Их ограничения связаны с тем типом отношений, который выражен в их семантике (примеры см. выше).

Противопоставление между сущностным и эпизодическим может находить отражение в отглагольных именах, хотя и не так отчётливо, как в глаголах. Большая часть производных имён указывает на сущностные, постоянные признаки предмета. Однако в отдельных их группах можно видеть отражение эпизодической ситуации, локализованной во времени. Например, ряд отглагольных существительных на -лк(а), -к(а) и др. (*копалка, ковырялка, окказ. запивашка* и т.п.) обладают значением актуального средства действия, т.е. такого предмета, который временно используется в несвойственной для него функции.

Компонент эвентуальности может иметь место в некоторых отглагольных именах со значением лица, типа *беглец, убийца, спаситель* и др.

Категория активности/неактивности субъекта связана прежде всего с противопоставлением имён лица и неодушевлённого предмета. Имена лиц способны включать в содержание нескольких семантических слоев, отражающих последовательные этапы эволюционного развития природы (физический, физиологический, психический, ментально-речевой и социальный). Разнообразные состояния субъекта (разные виды активности / неактивности) зависят от того, какие из указанных аспектов именной семантики задействованы при выполнении ими функции субъекта. Например, в предложении *Рабочие строят дом* имя лица выполняет функции активного субъекта, каузатора целенаправленного действия. Имена животных и неодушевлённых предметов могут выступать в такой же функции только в том случае, когда называемый ими предмет уподобляется человеку и выполняет его функцию (*Собака ищет хозяина; Буря снесла крышу; Робот управляет производственным процессом*). Более характерна для них функция неактивного субъекта, орудия, объекта и др. Связь словообразовательного акта с семанти-

ческой категорией активности/неактивности предмета проявляется в том, что от типа субъекта зависит характер (тип) пропозиции (одноместная/многоместная) и качество актантов при предикате. Этот факт не может не иметь отношения к словообразованию, так как любой словообразовательный акт строится на основе той или иной пропозиции, материализуя тот или иной её компонент.

Особое место занимают субъекты со скрытой орудийностью или объектностью. Функция субъекта в них приписывается неодушевлённым именам существительным, когда в действительности источником действия или признака является другой предмет, чаще всего лицо (*ветка стучит в окно*: ветка – предмет со скрытой орудийностью, в действительности источник действия – ветер, а ветка является средством действия; ср. также *часы идут*, но в это состояние часы (объект) приведены лицом. Пропозиции, организуемые субъектом со скрытой орудийностью или объектностью, не используются в качестве смысловой базы того или иного производного слова, так как интерпретационный момент в них сильнее денотативно-отражательного.

В результате исследования семантики слова в самых различных аспектах в современном языкознании сформировалось понятие лексического значения как явления нестатичного, подверженного функционально обусловленным модификациям [47]; [26]; [48]. Основополагающей является оппозиция «лексикографической» и «синтагматической» (проявляемой в типовых словосочетаниях и языковых ситуациях) лексической семантики. Противопоставление «лексикографической» и «синтагматической» лексической семантики по существу является противопоставлением онтологического и функционального типов организации (моделей) лексического значения, отражающих собственно лексический и грамматически (морфолого-синтаксический) уровни существования слова.

В рамках онтологической модели структура лексического значения отражает место слова в лексической системе (онтологии) языка, в резкого вида лексическо-тематических парадигмах, передающих наши представления об онтологии окружающего нас мира.

Основная функция онтологической модели лексического значения – номинативная позволяющая идентифицировать явления объективной действительности. Онтологическая модель лексического значения существует в виде вариантов, представляющих семантику слова в одном из типов собственно лексических отношений: синонимических, антонимических и др., и прежде всего – тематических (гиперо-гипонимических). С точки зрения системных лексических связей все варианты представляются равноправными и могут рассматриваться как «переходящие» друг в друга.

Синтагматическая модель лексического значения опирается на грамматический (морфолого-синтаксический) уровень лексической семантики. Данная модель по своей сути является функциональной. Главное её назначение подготавливать слово, его семантику к функционированию в коммуникативном акте. Лексическое значение приобретает ту структуру, тот аспект, который диктуется соответствующей грамматической формой слова.

В функциональной модели лексического значения «ранее» потенциальное может стать реальным, а иерархическая значимость семантических компонентов способна существенно измениться.

Более того, одно и то же вещественное значение, «включаясь» в грамматическую семантику разных форм, каждый раз претерпевает изменение, позволяющее ему становиться элементом более сложной семантики, предопределяемой соответствующей грамматической формой, ср. *стол* (стоит), (отделить) *от стола*, (лежать) *на столе*, (делать) *стол* и т.д. Происходит аспектуализация лексического значения слова, необходимая для выражения данного типа связи. При этом слово получает способность указывать на другого члена отношения со степенью обобщения, предписываемой грамматической формой. Через типы межлексемных семантических связей, предопределяемых морфологическими формами, лексическое значение выводится на уровень языковой ситуации, и слово получает информацию о ролевом назначении всех членов языковой ситуации.

Словообразовательно ориентированная структура лексической семантики – один из вариантов функциональной модели лексического значения.

Особенностью словообразующей модели лексического значения является то, что её языковая репрезентация происходит на уровне производного слова, уровне, более конкретном, нежели словосочетание и предложение. Так, производное *лосятник* «охотник на лосей»; *волчатница* «собака, с которой охотятся на волка»; *бекасинник* «вид дробы» выявляют функциональную актуализацию аспекта мотивирующей семантики «объект охоты», притягивая в силовое поле мотивирующего значения информацию о других участниках ситуации, не включаемую в онтологическую модель значения. Словообразовательная структура лексической семантики конкретизирует функциональный (грамматический) тип организации словесного значения, и в пределах данного типа противопоставлена его онтологическим структурам, которые, вероятно, следует признать «исходными», устанавливающими «прямое» соответствие между внеязыковым явлением и словом.

Словообразующие возможности единиц разных частей речи зависят от их места в полевой организации соответствующего лексико-грамматического класса слов.

Так, анализ словообразовательного потенциала имён существительных выявляет основное противопоставление имён предметно-идентифицирующей семантики (конкретные имена существительные, ядро соответствующей части речи – *медведь*, *звездь*, *стол*) и имён предикативно организованной семантики (обширная семантическая периферия существительного – *лазурь*, *массаж*, *аллюр*) [49], [51], [52]. Имена первого типа формируют семантику, функционально специализируясь на замещении позиции субъекта, темы предложения, вторые – в предикатной, характеризующей функции. Эта функциональная специализация определяет формирование первой семантики как гетерогенной, многоаспектно организованной, второй – как тяготеющей к моносемизации, одноаспектности [50. С. 156–250].

Аспекты гетерогенно организованной семантики отражают относительные и безотносительные признаки имени, в свернутом виде представляя позиционные структуры разного типа, термовым компонентом которых

является данное имя (напр., ср. *медведь* 1) «промысловое животное» – «животное, на которое охотится человек» – X – объект охоты Y; 2) «дрессированное животное» – X – объект дрессировки Y; 3) «животное с бурой окраской» – X имеет признак A; «всеядное животное» – X употребляет в пищу Y и т.д.). Каждый из таких аспектов формируется предикатом (одноместным или многоместным), через который возможно установление с другими термовыми компонентами – орудийным, субъектным, локативным.

Вследствие этого имя предметно-идентифицирующей семантики имеет возможность устанавливать неоднократные мотивационные связи, как опосредствуемые разными предикатами, отражая разные пропозициональные структуры: *медвежатник-1* «тот, кто охотится на медведя»; *медвежатник-2* «овожак дрессированного медведя», так и мотивировать имена заместителей разных ролей в пределах одной пропозициональной структуры: *медвежатник-1* «охотник на медведя» – субъектный компонент, *медвежатник-2* «собака, с помощью которой охотятся на медведя» – орудийный компонент. Противопоставление имен натурфактов, артефактов и лица а пределах конкретной именной лексики выявляет разную степень вычленения одного аспекта в значении: 1) практически нулевая в именах натурфакта; 2) вычленение одного аспекта («функции») в именах артефакта, не приводящее, однако, к нейтрализации других (формы, структуры и др.); 3) имена лица, включаясь в лексико-грамматический разряд конкретных имен, имеют предикативную, одноаспектно организованную семантику.

Имена предикатной, одноаспектной семантики (имена лица, абстрактные существительные) ограничивают мотивационные связи пределами одной пропозициональной структуры. Возможность неоднократных мотивационных отношений сохраняется в том случае, если свернутая в значении имени пропозициональная структура организуется многоместным предикатом (ср.: *массаж* – *массажист* «субъект»; *массажер* «орудие»).

Абсолютное большинство мотивационных отношений имен существительных устанавливается в рамках пропозициональных структур масштаба лексикализованных ситуаций, созданных мотивирующим именем. Однако объем деривационных связей может расширяться за счет возможности выхода в пределы смежных пропозиций [3. С. 193]. В значении производного слова в таком случае отражается свертывание двух и более смежных пропозиций, поверхностная структура имени несет информацию лишь об одном (двух) компонентах одной пропозиции (ср.: *летняк* «животное, родившееся летом», *вербник* «лещ, который нерестится в то время, когда цветёт верба»), что существенно увеличивает степень идиоматичности производных второго типа.

Противопоставление существительных предметно-идентифицирующей и предикатной семантики выявляется и при мотивации имени прилагательного [54. С. 80–83]. Имена существительные первого типа регулярно мотивируют относительные имена прилагательные, закрепляя в них один или несколько аспектов субстанциональной семантики а виде признака. Например, названия орудий, средств действия могут образовывать прилагательные не только с орудийным и объектным значением, но и со значением субъекта-источника признака. Ср.: *оружейное* (масло), *тележная* (дорога), *остроговая* (рыба) и

скрипичный (звук), *оружейный* (выстрел). Выполняя роль связующего звена между субъектом и объектом действия, орудие способно брать на себя функции субъекта, что и находит отражение в производных прилагательных указанного вида. Это объединяет наименования орудий с именами лиц, для которых субъектная мотивировка относительных признаков является более естественной. Можно отметить и изоморфизм рассматриваемых мотивационных процессов с процессами внутриименного словообразования [55. С. 51]. Ср.: *камень* – *каменный* «изготовленный из камня»; *каменка* «печь из камня»; *печь* – *печной* (мастер), *печник*.

Ярко выраженная относительность предметно-идентифицирующей семантики препятствует установлению мотивационных отношений с качественными прилагательными, называющими безотносительный признак. Непосредственные мотивационные связи с качественными прилагательными возможны лишь при условии освобождения значения имени от «груза» многоаспектности. Одноаспектно организованная семантика абстрактных существительных и оценочных имен лица легко трансформируется в признанную, собственно предикатную (ср.: *ханжа* – *ханжеский*, *ум* – *умный*, *печаль* – *печальный*).

Для мотивации глаголов значимыми являются функциональные характеристики мотивирующего имени, та роль, которую они играют в пропозиции, называемой производным глаголом [5]; [67]. Выполняемая именем функция выявляет тот семантический аспект, который оказывается задействованным в процессе глагольного словообразования. Это касается, прежде всего, существительных с гетерогенной семантикой (имен натурфактов и артефактов). Имена животных, растений, плодов, минералов и т.п. нередко используются в словообразовании в аспекте объекта промысла (белковать, лисятничать «охотиться на белок, лис»; орешничать «добывать орехи»), в аспекте своеобразного средства действия (травянуть, плесневеть «покрываться травой, плесенью») и даже субъекта действия, когда глагол мотивируется названием активного природного явления (буранить, метелить, куржить). Имена артефактов (в силу целевого назначения последних) в процессе создания глаголов выявляют, главным образом, социально обусловленные аспекты средства, объекта и результата действия (утюжить, боронить, седлать, стоговать, чаевничать). Существительные со значением лица, стремящиеся к одноаспектности, в словообразовательном процессе обычно реализуют функцию субъекта называемого действия, независимо от его социальной или естественной, характеризующей сущности (бригадирить, кочегарить; балагурить, лентяйничать). Имена отвлеченных действий при их преобразовании в глагол не только сохраняют свою семантику, но и приобретают морфологические (глагольные) показатели собственно процессуальных признаков. Хотя следует отметить, что отвлеченные существительные другой семантики (например, наименования чувств), как и конкретные существительные, могут быть представлены в аспекте объекта – результата (стыдить, гневить).

В тех случаях, когда производящее имя выполняет объектную функцию, производный глагол часто оказывается непереходным, обладает семантикой с включенным объектом (см. выше: *белковать*, *орешничать*). Но возможны и исключения: глаголы типа гневить, стыдить являются переходными.

Объектную функцию при них выполняют имена лиц, обладающие сложной семантикой, способной совмещать в себе указание на само чувство и на источник его появления (объект – чувство является порождением человеческой психики).

Ядерной группой, наиболее ярко воплощающей семантическое и грамматическое своеобразие лексико-грамматического класса имен прилагательных, являются качественные прилагательные. Непроизводные качественные прилагательные представляют преимущественно безотносительный признак, при порождении производных существительных реализуют мотивационную связь «признак – предмет, характеризующийся признаком». При этом узость диапазона типовых мотивационных связей совмещается с широтой их конкретного применения. Чем многообразнее мотивационные связи прилагательного, отражающие широкие возможности предметной приложимости признака, тем менее предсказуемо значение производного имени (ср.: *красный* – *краснуха*, *краснотал*, *красноперка*, *краснозем* и т.д. и имена прилагательные с фразеологически связанным значением – *каурый* «светло-каштановый / о масти лошади» – *каурка*). Между крайними тонами – полоса переходов. В сфере номинации процессов существует несколько вариантов использования прилагательных в функции мотивирующих единиц [12]. Значение изменяющегося признака порождает семантику инхоативных глаголов, а скрытая сема носителя признака в этом случае превращается в сему неактивного субъекта (*теплеть*, *синеть*, *блѣкнуть*, *киснуть* и др.). Ограничение адъективного значения семантикой постоянного внешнего признака, воспринимаемого большей частью зрительно, приводит к образованию глаголов экспозитивного значения (*желтеть*, *белеть*, *синеть* и др., но ср.: *горчить*, *кислить* и др.). В процессуальной ситуации носитель статичного признака сохраняет свою функцию, с той лишь разницей, что признак в ней представлен как существующий во времени.

Прилагательные, обладающие скрытой относительной семантикой, дают глаголы-эссивы. Носитель признака преобразуется в субъект, активно проявляющий своё свойство. Активный субъект может поддерживаться наличием в семантике глагола объектного компонента, например: *хитрить* 1) вести хитрый «обманный» разговор; совершать по отношению к кому-либо хитрые «обманные» поступки; 2) производить хитрые «изобретательные, искусные» действия, работу и др. В некоторых случаях тип отношения, выражаемого глаголом, уточняется с помощью объектного актанта: *грубить*, *дерзить* (кому), *хитрить* (с кем) и т.п. Указание на способность развития признака в предмете под влиянием извне свидетельствует о ещё более сложной организации смысловой структуры качественного прилагательного. Эта способность создает условия для того, чтобы носитель признака мог быть представлен в виде объекта, который испытывает на себе воздействие активного субъекта. Появляется возможность расчленения того, кто (что) стимулирует развитие признака и у кого (чего) этот признак возникает. Так создается каузативное значение отадъективных глаголов «делать каким кого, что». См. выше: *злая собака* «некто злит собаку, делает собаку злой». Ср. также: *бодрить*, *веселить*, *желтить*.

Относительные прилагательные в русском языке, как правило, производны (опускаем факты заимствования) и строят свою семантику на основе глагольной и именной. Относительные прилагательные актуализируют скрытую относительность производящего имени существительного и вычлениают один (или более) из типов сложного межпредметного отношения производящего глагола, возможный диапазон отношений задается производящей именной и глагольной семантикой и с разной степенью определенности передается производными прилагательными. Конкретизация отношений, заданных производящей семантикой, завершается в сочетании с определяемым существительным, что в конечном итоге и предопределяет значение производного имени. Ср.: *кожа* – *кожаная* «сделанная из кожи» – *кожанка* «куртка из кожи». При этом актуализация производящей семантики в относительном прилагательном может быть более или менее определенной.

Рассматривая словообразующие возможности глагола, следует иметь в виду, что в пропозиции процессуальная ситуация может быть дана или во временном аспекте, как действие, лежащее на оси времени, или как вневременное или «надвременное» свойство субъекта. Если ситуация лежит на оси времени, то может быть представлена в одном из двух аспектов – в аспекте протекания (характеризующий временной аспект) или в аспекте направленности на предел (результативный аспект). Преобладание одного из этих аспектов определяет репертуар потенциальных словообразовательных компонентов и как следствие – набор аффиксальных производных. Все префиксальные производные распадаются на две основные группы – временные и предельные. Первые мотивируются глаголами, интерпретирующими ситуацию в аспекте протекания, вторые – глаголами в аспекте предельности или в двух аспектах (переходная зона).

Для префиксальной сочетаемости в конечном счете оказывается значимым наличие в глагольной семантике субстанциональной семы, подвергаемой воздействию, изменению. Именно она актуализирует результативный аспект, подавляя аспект протекания. Одним из наиболее решающих фактов в усилении результативного (предельного) аспекта является присутствие (отсутствие) объекта, способ его презентации [61] и некоторые его характеристики, в особенности такие, как одушевленность [63]. Одушевленность не только объекта, но и субъекта способствует увеличению семантической базы результативного аспекта, «сдвигает» глагол, имеющий субстанциональные сателлиты с указанной характеристикой, в сторону предельного аспекта [64]. В зависимости от характера предела и источника его формирования выделяется пять типов предельности/непредельности глагола. В наибольшей оппозиции находятся глаголы, представляющие ситуацию в аспекте протекания, и глаголы, представляющие ситуацию в аспекте направленности на предел. Между ними располагается большая переходная зона [47. С. 94–136].

К первому типу относятся глаголы, которые не сочетаются ни с одной приставкой, поскольку представляют ситуацию как вневременное или «надвременное» свойство, соотношение (*весить*, *походить*). Второй тип образуют производящие глаголы со значением мышления (*знать*, *полагать*), эмоционального отношения (*любить*, *ненавидеть*, *презирать*), обладания и

др. Все они содержат компонент отношения и потому не заполняют временной оси полностью, «сплошь» [65. С. 134]. Но субъект названных ситуаций одушевленный, обладает некоторой активностью, благодаря чему указанные глаголы могут сочетаться с временными приставками начала действия (*узнать, полюбить, возненавидеть*). Глаголы следующего типа располагаются в самом начале временной оси и соединяются с приставками детерминативными и временными (со значением начала действия), но не дают образований с приставками результативными, это глаголы со значением «виднеться, выделяться цветом (*белеть вдали*)». К данному типу относятся и другие глаголы, обозначающие статичные процессы, равные себе в каждую из последующих фаз времени: *стоять, лежать* (с неодушевленным субъектом), *мерцать, искриться*. Далее располагаются глаголы, мотивирующие префиксальные производные с временной семантикой, со значением однократности, совершения действия в один приём, достижения интенсивности процесса и незапланированной субъектной предельности. В этом случае сам процесс или его участники имеют признаки, могущие быть интерпретированы как граница, предел существования нормированной ситуации, хотя она и представлена глаголом в аспекте протекания. Рассматриваемый тип распределяется на несколько подтипов в зависимости от конкретного репертуара глагольных компонентов и, следовательно, набора префиксальных производных: это глаголы звучания с неодушевленным и одушевленным субъектом, ментально-физические глаголы типа *читать, петь*, другие лексические группы, ср. *прозвучать, почитать, прочитать, напеться, начитаться* и т.п. «Правее», ближе к результативному полюсу располагается большая группа глаголов физического действия, дающая богатую парадигму результативных производных, при этом, если объект неодушевлённый, множественный, пространственно-протяжённый, если процесс имеет количественный, а не качественный характер воздействия на объект, то глаголы, обладая разветвленной схемой результативных образований, допускают также сочетание с временными префиксами. Если же объект одушевленный, единичный, претерпевает значительные качественные изменения, то сочетание глагола с временными приставками исключается, ситуация оказывается представленной только в аспекте результативности. Последнюю группу образуют глаголы постепенного становления признака (*грузнеть, сидеть*) передачи информации (*телеграфировать*), со значением «делать каким-либо» (*чернить, синить*) и др., семантика которых сориентирована на конечную, результативную фазу. Префиксальная парадигма их очень бедна, они сочетаются только с общерезультативными (чистовидовыми приставками, ср.: *посесть, протелеграфировать, посинить, застеклить* и т.п.). Заметим, что наиболее богатой и разнообразной сочетаемостью с приставками обладают глаголы переходной зоны.

Для образования отглагольных существительных [66]; [47. С. 135–162] определяющей является относительная (релятивная) семантика глагола, которая обуславливает образование производных имён соответствующих актантных значений. При неодушевленном субъекте образование субъектных имен возможно в том случае, если функцию субъекта действия выполняют

натурфакты, наделяемые сознанием человека самостоятельной силой, ср.: *пролом, вымоина, обвал* и т.п.; *облепиха, вьюн, вязель* и др. Одушевлённость субъекта резко увеличивает его активность, а следовательно, и значимость в сфере мотивационных связей глаголов и отглагольных существительных, ср.: *жужелица, трещалка, скакун, точильщик* (насекомые), *брызгун, прилипала, уклейка* (рыбы), *кряква, воркун, шипун, дергач* (птицы), *лайка, хрюшка, летяга* (животные), *бегун, пахарь, косец, лётчик, учитель, любитель, мечтатель, резчик, рубщик, ловчила, воображала* и т.д. (лица).

Функционирование лица как субъекта действия связано с использованием орудий действия, с воздействием с помощью последних на разного рода объекты, с достижением тех или иных результатов. Отсюда и возникновение отглагольных имен с указанными значениями: *свисток, звонок, скребло, колун, рыхлитель, косилка, молотильня; настойка, пролежень, копоть, накупить, ткань, сечка, плетень* и др.

Продуктивность реализации типовых мотивационных моделей зависит от «субстанциональной наполненности» производящих глаголов. К единицам, обладавшим богатым набором субстанциональных сем, относятся глаголы с имплицитно или эксплицитно включенными актантами: *бодать, душить, лечить* (лицо), *доить* (корову, козу), *кипятить* (воду, молоко), а также *бороздить, пенить, утюжить, пилить, мылить* и т.п. Конкретный характер процессуальной семантики ограничивает синтаксические связи глагольного слова, что приводит к ограничению и его словообразующих возможностей.

Глаголы с абстрактной семантикой (*толкать, рушить, брать, швырять, грязнить, чистить* и т.п.), напротив, могут иметь неограниченное количество актантов, особенно объектных. Но это до такой степени расширяет сочетаемость глагола, что типы актантов теряют определённую, актантные имена образуются тоже довольно редко.

Наиболее активно производные существительные создаются на базе промежуточных групп глаголов, у которых «количество субстанциональных сем характеризуется некоторой оптимальной величиной» [47. С. 159] (примеры см. выше).

Значимые для префиксального словообразования аспектуальные характеристики глагола (представленность действия в аспекте протекания или в аспекте предельности для межкатегориального словопроизводственного механизма являются лишь дополнительными, второстепенными. Наиболее отчётливо они проявляются в синтаксических дериватах – именах действия.

Так, панхронические и ахронические глаголы вообще не дают имен действия. От глаголов, представляющих действие в аспекте протекания, имена действия могут образовываться (*шепот, стук, ворчание, страдание, общение, гадание, решение, езда, плавание, хождение* и т.д.). Глаголы со значением результата динамического процесса (аспект предельности) могут мотивировать имена, совмещающие семантику действия и его результата, типа *покраснение, облысение*. Наиболее активно имена действия производятся от глаголов, в семантике которых присутствуют оба аспекта. При этом на именную семантику действия в ряде случаев наслаиваются дополнительные семы однократности (*гудок, звонок, щелчок, рывок, прыжок, кивок*), интенсивности

(болтовня, трескотня, беготня, толкотня), долговременности (стрельба, пальба, ходьба, косьба, молотьба) и др.

Как видно из текста статьи, мы остановились более или менее подробно лишь на некоторых вопросах, перечисленных в начале IV раздела данного обзора. Ряд проблем, занимающих сибирских дериватологов, в нём не был затронут, как и не были названы работы, в которых эти проблемы рассматривались. Ограниченные рамки статьи не позволили сделать это. В будущем мы надеемся продолжить обзор результатов словообразовательных исследований в Сибири.

Литература

1. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. 1981. Т. 40, №4. Серия литературы и языка. С. 75–81.
2. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
3. Земская К.Л. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
4. Словообразование // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 133–453.
5. Гудкова С.Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора (опыт ономаσιологического описания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.
6. Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981.
7. Ким Л.Г. Семантическая структура словообразовательного типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Томск, 1988.
8. Русские говоры Среднего Приобья / под ред. В.В. Палагиной. Ч. 2. Томск, 1989.
9. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
10. Фургель И.А. Типы семантических отношений в словообразовательном гнезде: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
11. Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. М., 1968.
12. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы словообразования. Томск, 1979.
13. Яценецкая М.Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слов // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 4. Томск, 1977. С. 116–128.
14. Яценецкая М.Н. К вопросу о словообразовательной и лексической мотивированности слова // Русское слово в языке и речи. Вып. 2. Кемерово, 1977. С. 46–54.
15. Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976. Вып. 2. С. 3–16.
16. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.
17. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1984.
18. Тихонов А.П., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Ташкент, 1989.
19. Яценецкая М.Н., Резанова З.И. К проблеме внутренней формы слова // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 17–33.
20. Голев Н.Д. О природе лексико-мотивационных отношений в языке и речи // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 33–46.
21. Введение // Мотивационный диалектный словарь (говорах Среднего Приобья) / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1982. С. 6–23.
22. Яценецкая М.Н. О функциональном аспекте диалектного словообразования // Язык и топонимия Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1979. С. 92–96.
23. Яценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 3–17.
24. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1983.
25. Голев Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Форма и значение. Томск, 1985. С. 31–42.

26. Шишкина Т.А. Принципы номинации орудий труда в русских народных говорах // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 89–97.
27. Шишкина Т.А. Единицы номинации и их особенности в говорах Сибири и европейской части страны // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1967. С. 112–125.
28. Янценецкая М.Н. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение. Томск, 1985. С. 3–31.
29. Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 12–21.
30. Янценецкая М.Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 128–145.
31. Улуканов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 253 с.
32. Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков // Тезисы международного симпозиума, декабрь 1984. М., 1984.
33. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
34. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 496–530.
35. Везибицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985. С. 303–342.
36. Янценецкая М.Н. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа» // Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984. С. 8–21.
37. Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его виды: Основные понятия. Томск, 1987.
38. Торопцев И.С. Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка) // Учен. зап. Орлов. пед. ин-та. Т. 22. Орел, 1964.
39. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.
40. Блинова О.И. Мотивированность слова и функциональный аспект на диалектном материале. // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976. С. 16–22.
41. Наумов В.Г. Мотивационные отношения слов диалекта и типы их актуализации (на материале нарымского говора) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983. С. 64–74.
42. Янценецкая М.Н. Языковые условия актуализации словообразовательной структуры производных слов // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 92–100.
43. Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 393–394.
44. Арутюнова Н.Д. Предложение и смысл. М., 1976.
45. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке / Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
46. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений / Семантика производного слова. М., 1981.
47. Семантические вопросы словообразования / Производящее слово. Томск, 1991.
48. Резанова З.И. Семантика мотивирующего слова // Вопросы словообразования в индоевропейских языках // Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 46–67.
49. Резанова З.И. Словообразующие возможности существительного: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.
50. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 166–250.
51. Резанова З.И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 145–166.
52. Резанова З.И. Семантическая структура неконкретного имени существительного и его деривационный потенциал // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985. С. 42–56.
53. Резанова З.И. О двух типах пропозициональных основ именного словообразования // Принципы деривации в истории языкознания и современной лингвистике: Тез. докл. Пермь, 1991. С. 193.

54. Резанова З.И., Яценецкая М.Н. Имя существительное как база адъективного словообразования. // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез. докл. Ч. 1. Гродно, 1986. С. 80–83.
55. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986.
56. Резанова З.И. Имя прилагательное как основа субстантивного словообразования // Молодые ученые и студенты – науке: Тез. докл. Кемерово, 1989. С. 120–122.
57. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 87–155.
58. Лебедева Н.Б. Некоторые особенности глагольной семантики как мотивирующей базы внутриглагольного словообразования // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Форма и значение. Томск, 1965. С. 96–105.
59. Лебедева Н.Б. Опыт стратификации глагольной семантики и префиксы как индикаторы аспектов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1991. С. 143–156.
60. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1961.
61. Лебедева Н.Б. К вопросу о семантике возвратных глаголов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978. С. 65–73.
62. Лебедева Н.Б. Семантические основы результативности и объектности (на материале глаголов, транзитивированных префиксами) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Семантический аспект. Томск, 1983. С. 52–64.
63. Лебедева Н.Б. О зависимости характера результативности глагола от одушевленности – неодушевленности объекта // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 120–127.
64. Лебедева Н.Б. Лексико-грамматическое исследование глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Томск, 1979.
65. Семантические типы предикатов. М., 1982.
66. Грушко Н.К. Словообразующие возможности глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.
67. Шиканова Т.А. Словообразовательная парадигма орудийных имён (проблема деривационного потенциала русской лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.

Yantsenetskaya Maina N., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: klassika4@yandex.ru

THE PROPOSITIONAL ASPECT OF WORD FORMATION (THE OVERVIEW OF WORKS BY SIBERIAN SCHOLARS). DOI 10.17223/19986645/27/13

Keywords: word formation, cognitive aspect of word formation, propositional analysis, word formation potential.

The paper describes the directions of cognitive derivatology research in Siberian dialectology, established by the early 1990s. The derivative is interpreted in the system of linguistic means of expression of the logical – propositional – semantics.

The focus is on the deep, semantic analysis of the derivative, which reflects the predicate type of its structure and finds the component of the proposition that is directly used to form the derivative.

The main trends in the study of word formation, which led to the formation of cognitive analysis, are considered: lexicological, motivological and syntactical types of derivational processes analysis.

Motivological analysis shows that when used word formation and lexical (motivational) relations are not fundamentally opposed to each other. Motivation is a kind of syntagmatic activities as a type of communicative acts that generate statements. Thus, the conditions are created for the functional approach to the units of word formation / motivology.

The functional approach involves the study of word formation units in two interconnected aspects: system-functional and communicative-functional.

The formation of the propositional approach is also connected with researches, in which the meaning of the derivative is reduced to a particular syntactic unit. Recognition of the generating ability of the text not only in syntax, but also in the field of word formation introduces the issue of the system language basis of such generation – the propositional (predicate) structure, the components of which are both derivational bases and derivatives.

There are more specific issues of the propositional analysis of word formation: 1) semantic categories based on propositions and their reflection in the lexicon and word formation; 2) the functional model

of the lexical meaning and word formation relations; 3) the field structure of the lexical-semantic space and classification of lexical units, participation of different word classes in word formation; 4) the propositional structure of the deep semantics of the derivative and the idiomatic character of its lexical meaning; 5) polysemy as a reflection of intra- or inter-propositional links, and several others. The article describes restrictions of the propositional approach. The main one concerns the choice of the type of the proposition considered as the semantic base of the derivative.

References

1. Bergel'son M.B., Kibrik A.E. Pragmaticheskiy printsip prioriteta i ego otrazhenie v grammatike yazyka // *Izv. AN SSSR*. 1981. T. 40, №4. Seriya literatury i yazyka. S. 75–81.
2. Ginzburg E.L. Slovoobrazovanie i sintaksis. M., 1979.
3. Zemskaya K.L. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. M., 1973.
4. Slovoobrazovanie // *Russkaya grammatika*. T. 1. M., 1980. S. 133–453.
5. Gudkova S.N. Glagol'nye slovoobrazovatel'nye tipy v sisteme odnogo govora (opyt onomasiologicheskogo opisaniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1983.
6. Araeva L.A. Slovoobrazovatel'nye tipy imen sushchestvitel'nykh v sisteme govora: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1981.
7. Kim L.G. Semanticheskaya struktura slovoobrazovatel'nogo tipa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Tomsk, 1988.
8. *Russkie govory Srednego Priob'ya* / pod red. V.V. Palaginoi. Ch. 2. Tomsk, 1989.
9. Tikhonov A.N. Problemy sostavleniya gnezdovogo slovoobrazovatel'nogo slovarya sovremennogo russkogo yazyka. Samarkand, 1971.
10. Furgel' I.A. Tipy semanticheskikh otnosheniy v slovoobrazovatel'nom gnezde: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1988.
11. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Slovoobrazovanie: problemy i metody issledovaniya. M., 1968.
12. Yantsenetskaya M.N. Semanticheskie voprosy slovoobrazovaniya. Tomsk, 1979.
13. Yantsenetskaya M.N. Slovoobrazovatel'naya i leksicheskaya motivirovannost' slov // *Voprosy russkogo yazyka i ego govorov*. Vyp. 4. Tomsk, 1977. S. 116–128.
14. Yantsenetskaya M.N. K voprosu o slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy motivirovannosti slova // *Russkoe slovo v yazyke i rechi*. Vyp. 2. Kemerovo, 1977. S. 46–54.
15. Blinova O.I. Yavlenie motivirovannosti slov v sobstvenno leksikologicheskom aspekte // *Voprosy sibirskoy dialektologii*. Omsk, 1976. Vyp. 2. S. 3–16.
16. Blinova O.I. Yavlenie motivatsii slov (leksikologicheskii aspekt). Tomsk, 1984.
17. Golev N.D. Dinamicheskii aspekt leksicheskoy motivatsii. Tomsk, 1984.
18. Tikhonov A.P., Pardaev A.S. Rol' gnezd odnokorenykh slov v sistemnoy organizatsii russkoy leksiki. Tashkent, 1989.
19. Yantsenetskaya M.N., Rezanova Z.I. K probleme vnutrenney formy slova // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Problemy semantiki*. Tomsk, 1991. S. 17–33.
20. Golev N.D. O prirode leksiko-motivatsionnykh otnosheniy v yazyke i rechi // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Problemy semantiki*. Tomsk. 1991. S. 33–46.
21. *Vvedenie // Motivatsionnyy dialektnyy slovar' (govori Srednego Priob'ya)* / pod red. O.I. Blinovoy. Tomsk, 1982. S. 6–23.
22. Yantsenetskaya M.N. O funktsional'nom aspekte dialektного slovoobrazovaniya // *Yazyk i toponimiy Altaya: Tezisy dokladov k konferentsii*. Barnaul, 1979. S. 92–96.
23. Yantsenetskaya M.N. Motivatsionnye otnosheniya v leksike i leksicheskoe gnezdo // *Semanticheskaya struktura slova*. Kemerovo, 1984. S. 3–17.
24. Yantsenetskaya M.N. Semanticheskie voprosy teorii slovoobrazovaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 1983.
25. Golev N.D. O semanticheskikh tipakh motivatsionnykh otnosheniy // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh. Forma i znachenie*. Tomsk, 1985. S. 31–42.
26. Shishkina T.A. Printsipy nominatsii orudiy truda v russkikh narodnykh govorakh // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Problemy semantiki*. Tomsk, 1991. S. 89–97.
27. Shishkina T.A. Edinitsy nominatsii i ikh osobennosti v govorakh Sibiri i evropeyskoy chasti strany // *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri*. Tomsk, 1967. S. 112–125.
28. Yantsenetskaya M.N. Obobshchenno-motivatsionnoe znachenie v semanticheskoy strukture slovoobrazovatel'nogo tipa // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Forma i znachenie*. Tomsk, 1985. S. 3–31.

29. Golev N.D. O nekotorykh obshchikh osobennostyakh printsipov nominatsii v dialektnoy leksike flory i fauny // Russkie govory Sibiri. Tomsk, 1981. S. 12–21.
30. Yantsenetskaya M.N. Tematicheskie ob"edineniya proizvodnykh slov i slovoobrazovatel'naya sistema yazyka // Govory russkogo naseleniya Sibiri. Tomsk, 1983. S. 128–145.
31. Ulukhanov I.S. Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya. M.: Nauka.
32. Kubryakova E.S. Kategorii padezhnoy grammatiki i ikh rol' v sravnitel'no-tipologicheskom izuchenii slovoobrazovatel'nykh sistem slavyanskikh yazykov // Tezisy mezhdunarodnogo simpoziuma dekabr' 1984. M., 1984.
33. Fillmor Ch. Delo o padezhe // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 10. M.: Progress, 1981. S. 369–495.
34. Fillmor Ch. Delo o padezhe otkryvaetsya vnov' // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 10. M., 1981. S. 496–530.
35. Vezhbitskaya A. Delo o poverkhnostnom padezhe // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 15. M., 1985. S. 303–342.
36. Yantsenetskaya M.N. O terminakh «slovoobrazovatel'noe znachenie» i «znachenie slovoobrazovatel'nogo tipa» // Aktual'nye voprosy russkogo slovoobrazovaniya. Tyumen', 1984. S. 8–21.
37. Yantsenetskaya M.N. Slovoobrazovatel'noe znachenie i ego vidy: Osnovnye ponyatiya. Tomsk, 1987.
38. Toroptsev I.S. Leksicheskaya motivirovannost' (na materiale sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka) // Uchen. zap. Orlov. ped. in-ta. T. 22. Orel, 1964.
39. Toroptsev I.S. Slovoizvodstvennaya model'. Voronezh, 1980.
40. Blinova O.I. Motivirovannost' slova i funktsional'nyy aspekt na dialektnom materiale). // Russkoe slovo v yazyke i rechi. Kemerovo, 1976. S. 16–22.
41. Naumov V.G. Motivatsionnye otnosheniya slov dialekta i tipy ikh aktualizatsii (na materiale narymskogo govora) // Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh. Tomsk, 1983. S. 64–74.
42. Yantsenetskaya M.N. Yazykovye usloviya aktualizatsii slovoobrazovatel'noy struktury proizvodnykh slov // Russkie govory Sibiri. Tomsk, 1981. S. 92–100.
43. Stepanov Yu.S. Predikatsiya // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990. S. 393–394.
44. Arutyunova N.D. Predlozhenie i smysl. M., 1976.
45. Teliya V.N. Chelovecheskiy faktor v yazyke / Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti. M., 1991.
46. Kubryakova E.S. Tipy yazykovykh znacheniy / Semantika proizvodnogo slova. M., 1981.
47. Semanticheskie voprosy slovoobrazovaniya / Proizvodyashchee slovo. Tomsk, 1991.
48. Rezanova Z.I. Semantika motiviruyushchego slova // Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh // Problemy semantiki. Tomsk, 1991. S. 46–67.
49. Rezanova Z.I. Slovoobrazuyushchie vozmozhnosti sushchestvitel'nogo: avtoref. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1983.
50. Arutyunova N.D. K probleme funktsional'nykh tipov leksicheskogo znacheniya // Aspekty semanticheskikh issledovaniy. M., 1980. S. 166–250.
51. Rezanova Z.I. Slovoobrazuyushchie vozmozhnosti sushchestvitel'nykh so znacheniem artefakta // Govory russkogo naseleniya Sibiri. Tomsk, 1983. S. 145–166.
52. Rezanova Z.I. Semanticheskaya struktura nekonkretnogo imeni sushchestvitel'nogo i ego derivatsionnyy potentsial // Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh. Tomsk, 1985. S. 42–56.
53. Rezanova Z.I. O dvukh tipakh propozitsional'nykh osnov imennogo slovoobrazovaniya // Printsipy derivatsii v istorii yazykoznaniiya i sovremennoy lingvistike: Tez. dokl. Perm', 1991. S. 193.
54. Rezanova Z.I., Yantsenetskaya M.N. Imya sushchestvitel'noe kak baza ad'ektivnogo slovoobrazovaniya. // Slovoobrazovanie i nominativnaya derivatsiya v slavyanskikh yazykakh: Tez. dokl. Ch. 1. Grodno, 1986. S. 80–83.
55. Kharitonchik Z.A. Imena prilagatel'nye v leksiko-grammaticheskoy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka. Minsk, 1986.
56. Rezanova Z.I. Imya prilagatel'noe kak osnova substantivnogo slovoobrazovaniya // Molodye uchenye i studenty – nauke: Tez. dokl. Kemerovo, 1989. S. 120–122.
57. Kubryakova E.S. Semantika proizvodnogo slova // Aspekty semanticheskikh issledovaniy. M., 1980. S. 87–155.

58. *Lebedeva N.B.* Nekotorye osobennosti glagol'noy semantiki kak motiviruyushchey bazy vnutriglagol'nogo slovoobrazovaniya // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh. Forma i znachenie.* Tomsk, 1965. S. 96–105.
59. *Lebedeva N.B.* Opyt stratifikatsii glagol'noy semantiki i prefiksy kak indikatory aspektov // *Voprosy slovo- i formoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh.* Tomsk, 1991. S. 143–156.
60. *Ufimtseva A.A.* Tipy slovesnykh znakov. M., 1961.
61. *Lebedeva N.B.* K voprosu o semantike vozvratnykh glagolov // *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya.* Novosibirsk, 1978. S. 65–73.
62. *Lebedeva N.B.* Semanticheskie osnovy rezul'tativnosti i ob'ektnosti (na materiale glagolov, tranzitivirovannykh prefiksami) // *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Semanticheskiy aspekt.* Tomsk, 1983. S. 52–64.
63. *Lebedeva N.B.* O zavisimosti kharaktera rezul'tativnosti glagola ot odushevlenosti – neodushevlenosti ob'ekta // *Semanticheskaya struktura slova.* Kemerovo, 1984. S. 120–127.
64. *Lebedeva N.B.* Leksiko-grammaticheskoe issledovanie glagol'noy semantiki (vzaimod-eystvie rezul'tativnosti i ob'ektnosti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Tomsk, 1979.
65. *Semanticheskie tipy predikatov.* M., 1982.
66. *Grushko N.K.* Slovoobrazuyushchie vozmozhnosti glagola: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1984.
67. *Shikanova T.A.* Slovoobrazovatel'naya paradigma orudiynykh imen (problema derivatsion-nogo potentsiala russkoy leksiki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1990.